

Василий Лягоскин

Ты откуда, Одиссей?

*Ох уж эти женищины!
Часть вторая*

Василий Лягоскин

**Ты откуда, Одиссей? Ох уж
эти женщины! Часть вторая**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Ты откуда, Одиссей? Ох уж эти женщины! Часть вторая /
В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835406-9

Виктор Кошкин готов опять рискнуть — попасть в прошлое. Увы, выбор делает не он. Теперь ключом к дверям в неведомое стал текст «Одиссеи». Ждет ли героя Троянской войны Пенелопа? Сможет ли хитроумный Одиссей доказать свое право на царство? И чем может помочь ему скромный учитель истории из Геленджика?..

ISBN 978-5-44-835406-9

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Ты откуда, Одиссей? Ох уж эти женщины! Часть вторая

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2016

ISBN 978-5-4483-5406-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Муза! Об этом и нам расскажи, начав с чего хочешь.
Все остальные в то время, избегнув погибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши и моря...*

Ошалевший Кошкин цитировал на этот раз «Одиссею» – словно закрыл последнюю страницу «Илиады»; вместе с гибелью Трои. Впрочем, судьба древнего города его сейчас совершенно не интересовала. А вот материальный фрагмент Илиона – массивный кусок золота с драгоценными камнями...

– Ну, вот, Валюш, – кажется, я приду домой не с пустым рюкзаком.

– Если вообще придешь, – улыбка на губах Николая исчезла; на скулах застыли тяжелые желваки.

Сосед словно вцепился там, внутри рта, во что-то жесткое, непрожевываемое, и никак не желал выплевывать его. Но все-таки выплюнул – словами, которыми выбивал из души Кошкина щенячью радость:

– Донесешь до первого ломбарда, там тебя и повяжут.

– Не собирался я нести его никуда, – Николаич потянул подарок из прошлого за тяжелую цепочку, свисавшую с ладони Николая, но успеха не добился, – этому знаку цены нет; его нужно срочно везти в Академию наук!

– Ага, – протянул Николай, – прямо сейчас и ездай – вот так.

Кошкин оглядел свой непрезентабельный наряд, в котором добавилось несколько прорех, да мелкого мусора, копившегося в дольмене полторы тысячи лет, а теперь «украшавшего» собой историка. Сосед продолжил – уже не саркастически, а жестко:

– Не довезешь. А довезешь – там его у тебя и отнимут. И спасибо не скажут.

– Но это же открытие мирового значения! – попытался возразить Николаич.

– Вот они без тебя его и сделают... А скорее, просто распилят, камушки выковырят и толкнут за нехилые бабки. Нет уж, сосед, я тебе пропасть не дам! Может, ты и хороший учитель, но в жизни ничего не понимаешь.

Кошкин отпустил цепь; он понял – Николай прав; слава, почести и деньги, скорее всего, достанутся другим людям. А ему – Виктору Кошкину – только презрение в глазах собственной жены, а может, и того хуже, пыльный мешок на голову и безымянная могила... да хоть рядом с этим же дольменом. Он опасливо покосился на соседа; тот его опасения понял, но не принял. Николай подмигнул ему и широко улыбнулся, отвечая на безмолвный вопрос растерянного Николаича: «И что же делать?», – одним словом:

– Едем!

«Стол» убрали гораздо быстрее, чем накрывали – словно шторм пронесся по поляне, оставив ее в первозданном виде. Теперь только чуть примятая трава могла подсказать неведомым следопытам, что здесь полдня беззаботно провели время четыре человека. А через несколько минут и от «Лендкрузера» осталось только воспоминание в виде сизого облачка

дыма. На обратном пути в город Николай никому не сигнализировал и не обгонял. Он ехал осторожно – словно вез величайшую ценность. Взгляд историка остановился на затылке Людмилы, сидевшей на переднем пассажирском кресле.

– Вот это, – подумал с завистью Николаич, не имевший собственных детей, – и есть для него самое главное сокровище. А золото, которым одарило его providение...

*Так же поднес и дары, какие гостям подобают.
Золота семь ему дал я талантов в искусных
изделях
Дал серебролитный кратер, покрытый резными
цветами...*

Он даже махнул рукой; в нем словно еще не рассеялось чувство, обретенное в теле Кассандры – что любая прихоть будет тотчас же исполнена; что не нужно мучительно думать о куске хлеба на завтра, послезавтра. Николаич так глубоко провалился в свои воспоминания, что испуганно вздрогнул, выплывая из них в тот момент, когда «Лендкрузер» резко затормозил. Кошкин даже немного испугался – предположил, что те неприятности, что пророчил сосед для золотого медальона и его хозяина, уже начались.

Но нет – Николай повернулся к Кошкину и подмигнул ему, показывая, что автомобиль он остановил сам. Скорее всего, потому что достиг своей цели.

– Я быстро, – сосед выскочил в дверцу, и скрылся в самой обычной двери самой обычной пятиэтажки, мимо которой Николаич каждый день ходил по утрам в школу, а вечером, соответственно, домой.

Кошкин настроился на долгое молчание; Людмила тоже застыла в ожидании, и даже пятилетний Сашка с трудом, но воздерживался от шалостей, и от тех вопросов, которыми он забрасывал взрослого соседа утром. Молчание, впрочем, долгим не получилось. Кошкину представлялось, что сейчас в пятиэтажке идет ожесточенный торг; какое-то взвешивание, обследование лупой; чуть ли не обнюхивание и облизывание медальона Кассандры. Но часы на приборной доске внедорожника не успели отсчитать даже пяти минут, а расплывшаяся в довольной улыбке физиономия соседа уже показалась в скрипнувшей двери. В руках у Николая был самый обычный пакет, с каким сам Кошкин ходил в супермаркет – за хлебом, или простоквашей. «Лендкрузер» накренился на левую сторону, когда Николай ступил на подножку. Он ловко скользнул на руль; еще быстрее опустил на ноги Кошкина, прикрытые растянутыми трениками, пакет с логотипом магазинов «Дикси». Что-то достаточно внушительно стукнулось о коленки, и Николаич не выдержал – тут же засунул свой длинный нос внутрь.

Николай чуть извиняющимся голосом пояснил:

– Только тысячные, крупнее не было.

– И сколько... здесь? – прошептал Виктор Николаевич, разглядывая три зеленых «кирпича», разделенных на меньшие пачки резинками самых разных расцветок.

– Три миллиона, – буднично сообщил Николай, заводя внедорожник, – рублей, конечно. Я торговался, как тигр, но... Больше просто никто не дал бы. Мне.

Кошкин последнее перевел для себя: «Тебе бы вообще ничего не дали бы!». И он оценил услугу, потянул из пакета один «кирпич», собираясь так щедро оценить услугу соседа.

*– ...улади себе милое сердце
С радостным духом потом унесешь на корабль ты подарок
Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память
Как меж гостями бывает, приятных друг другу...*

– Нет, – даже замахал тот руками, отпуская руль, – это все твое. Я свое получил сполна, еще там.

Он опять схватился правой рукой за рулевое колесо, а левой махнул назад, на пяти-этажку, где, оказывается, жил безвестный миллионер. А Николай подтвердил это, объяснив и Кошкину, и жене, почему он так счастливо улыбался, выходя из дверей.

– Все, – выдохнул он, ласково прихлопнув ладонями по рулю, – мы ничего больше не должны, Людок. Весь долг за бизнес списали. Свобода!

Он опять отпустил руль, создав в который раз опасную ситуацию на дороге. Но историк на этот раз даже не вздохнул от такого вопиющего безобразия. Вернее вздохнул, но совершенно по другой причине. Он только теперь задумался над вопросом – как будет объяснять Валентине появление этой баснословной для их семьи суммы. Успокоился он только перед подъездом собственного дома – решив говорить правду, и ничего, кроме правды:

– Скажу, что нашел клад в дольмене. Николай подтвердит. А про Кассандру с Приамом.. и про деревянного коня...

Он помчался вверх по лестнице, подстегнутый понимающим возгласом Николая, который подхватил на руки Сашку, и придержал дверь перед Людмилой:

– Соскучился...

– Счастливым, – мысленно ответил ему Николаич, – ты еще не знаешь, что такое простатит...

Неделю Кошкин прожил как в волшебном сне. Валентина была мила, предупредительна; кормила его разносолами, совсем немного не дотягивающими до троянских. И из зала, где на столе появился самый новый на сегодняшний день компьютер, выходила на цыпочках, как только Виктор Николаевич садился в продавленное кресло. А в пятницу вечером его ждал настоящий сюрприз.

*Ты ж мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Что за обед здесь? Какое собрание? Зачем тебе это?
Свадьба ли здесь или пир? Ведь не в складчину же он
происходит?
Кажется только, что гости твои необузданно в доме
Вашем бесчинствуют...*

– О, Николаич! Заходи, – в собственную залу Кошкина пригласил сосед, Николай, – а мы тут в складчину сообразили отметить одно дельце прибыльное. От вас с Валентиной закусь, а мы с Людмилой и Сашком – вот...

Стол был накрыт в зале, а не на микроскопической кухне, и ломился от яств и бутылок, которые, как правильно понял Николаич, принесли с собой соседи. В последний раз праздничный стол в квартире Кошкиных накрывался в день рождения Валентины, и тогда соседи сверху не приглашали. А сейчас они все – и Николай, и Людмила, и особенно Сашок, широко улыбались дяде Вите. Мальчуган даже соскочил со стула и бросился к хозяину квартиры, словно к родному дяде, или даже... дедушке. Николаич понял, что его радость не наигранна; Сашка действительно рад его видеть. По крайней мере, сам Кошкин в его возрасте ни за что не оторвался бы так легко от огромного куска торта, который пацан только начал размазывать по щекам.

Казалось – живи, да радуйся. Но Виктор Николаевич радоваться не спешил. Даже не сел сразу за стол, на приготовленный для него стул.

– Я, конечно, рад видеть вас, – он подхватил на руки мальчика, – но что-то подсказывает мне, что здесь готовится заговор.

– Уже готов, – бодро вскочил с места Николай, – как пионер. И этот заговор не против тебя, Николаич. Это наш общий проект. Держи!

Он сунул в руку Кошкина бокал с янтарной жидкостью. Виктор Николаевич мазнул взглядом по столу, но бутылки со знакомой этикеткой не обнаружил. Зато там стоял коньяк не менее известной марки; тоже французской. «Камю» провалился в глотку даже мягче, чем «Хеннесси». А может, это пищевод уже привык к благородным напиткам – и здесь, и в рассыпавшейся в прах Трое. И это – признался себе Николаич – ему нравилось. Нравилось ощущать себя кормильцем семьи; нравилось находиться в центре внимания...

– Только чтобы при этом на тебя не смотрели такими крокодиловыми взглядами, – подумал он, опрокидывая в рот содержимое второго бокала, – кажется, прямо сейчас начнут меня есть. И первая – Валентина.

Супруга действительно начала первой:

– Витенька, – пропела она ласковым голосом, – а мы завтра на пикник собрались.

– Пикник, это хорошо, – возвестил захмелевший историк, – пикник – это замечательно!

А куда?

– Как, куда?! – поразился такой несообразительности соседа Николай, – к дольмену, конечно!

Виктор Николаевич покивал головой. Его недогадливость была искусственной; больше того – он сейчас был уверен, что за прошедшую неделю сосед не раз смотался к мегалиту и нашел способ проверить все внутри него – даже на приличную глубину в земле.

– Но не нашел ничего, – усмехнулся еще шире Николаич – в глубине себя; он это хорошо наострился делать за время вынужденного сосуществования с Кассандрой, – потому что нужно было в школе историю учить, а не бицепсы качать...

Кошкин зримо представил себе, как сосед, изворачиваясь невероятным образом и напрягая жилы, ковыряется в дольмене, пытаясь добраться до самых дальних углов. Так когда-то – если верить легендам – безрезультатно катил к вершине горы свой камень Сизиф.

...увидел, терпящего тяжкие

Камень огромный руками обеими кверху катил он

С страшным усилием, руками, ногами в него упираясь.

В гору он камень толкал... .. и струился

Пот с его членов, и тучная пыль с головы поднималась...

Экскурсия к дольмену была копией первой, за исключением внушительного довеска – Валентины Степановны. Она, пожалуй, больше других чувствовала, что муж хранит в себе какую-то тайну; в прежние времена уже вырвала бы ее, даже без каленых клещей. И пыталась несколько раз приступить к этому увлекательному занятию – особенно, когда видела, как Николаич неосознанным движением руки поправляет пышную прическу, которой у него давно не было. Или не менее кокетливым жестом оборачивает вокруг себя растянувшуюся от многолетнего ношения футболку. Вообще-то Кошкин за последнюю неделю обзавелся несколькими обновками, вызвав недоуменные и чуть завистливые взгляды еще и на работе, но этой майке пока не «изменил», придав ей статус счастливого талисмана.

Вот и сейчас Виктор Николаевич снял теплую фланелевую рубашу и новенькие джинсы, которых в прежней, безденежной, жизни у него никогда не было. Николай понятиливо хмыкнул, увидев под ними растянутые пузыри на старых трениках.

– Только это, – сразу предупредил его Николаич, – я больше макушкой о стенку не согласен. Чуть посильнее двинешь, и вместо клада достанете холодный труп. Так что я сам, напрягусь, и...

Сначала ему пришлось напрячься в другом месте – до простатита рук пока не дошло, хотя за эту неделю Кошкин не раз порывался съездить в платную клинику; даже расписание врача-уролога в интернете нашел. Поэтому сейчас он шустро смотался в густые кусты, которыми тут поросло все вокруг, сделал свое «дело», и вернулся к дольмену, где Валентина уже держала наготове туго свернутую подстилку – вспененный пластик, на котором сам Николаич недавно сидел, с благодарностью принимая из руки соседа стаканчик с коньяком – опять «Хеннеси». Коньяк сейчас грел Кошкина изнутри, и ничуть не помешал ему протиснуться в круглое отверстие. Но прежде, чем начать извиваться, подобно червяку, Николаич, как и неделю назад, чуть слышно прокричал в темнеющее отверстие свое персональное: «Сезам, откройся!», – теперь в виде отрывка из «Одиссеи»:

*Быстро в пещеру вошли мы, но в ней не застали циклопа,
Жирных коз и овец он пас на лугу недалеко
Все внимательно мы оглядели, вошедши в пещеру
Полны были корзины; ягнята, козлята...*

В рукотворной пещере, куда заглянул Николаич, конечно, ни циклопа, ни корзины со снедью не было. Ягнят и козлят тоже – иначе Кошкин просто не полез бы в тесный дольмен. Внутри, как он и предполагал, вместо камешков, прежде больно впивавшихся в ладони, его ждала вскопанная, а потом приглаженная; да еще и утрамбованная земля, по которой он и полез вперед, перебирая руками. Мягкое место, с трудом, но протиснулось – на этот раз без всякой помощи. Уже внутри Николаич развернулся, и закрыл отверстие собственной головой, явив честной кампании собственное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.